

У Гааза нет отказа...

...Я питаю к Федору Петровичу еще и личную благодарность за те минуты душевного умиления, которые я испытываю, описывая по мере сил и умения его чистую, как кристалл, жизнь, его возвышенную деятельность, нередко вынужденный оставлять перо под влиянием радостного волнения при мысли, что такой человек в лучшем и глубочайшем смысле слова жил и действовал среди нас.

А. Ф. Кони.

На Введенском кладбище в Москве — жители соседних улиц называют его еще по-старому, немецким — есть могила: темно-серый камень с темно-серым крестом, черная ограда; чугунные стояки-колонки, темные прутья, а поверх них свисают кандалы, цепи с широкими наручниками и „накожниками“. На камне выбито: 1780-1853, и несколько строк латыни — слова из Евангелия.

Во все времена года на этой могиле лежат цветы, живые, матерчатые и бумажные, иногда пышные букеты, чаще скромные пучки ландышей, ромашек или просто одна гвоздика, тюльпан...

В переулке Мечникова № 5 в открытом дворе старого двухэтажного двукрылого — „скобой“ — здания на темном цоколе бронзовый бюст. Лицо с крупными, но мягкими чертами: широкий лоб, широкий крутой подбородок, ласковая улыбка. Надпись: „Федор Петрович Гааз, 1780-1853“. И ниже потускневшей позолотой: „Спешите делать добро“.

Полтора-два года тому назад Федора Петровича Гааза знали все московские старожилы. Когда он ехал в тряской пролетке или шел по улице, высокий, чуть сутулый, большеголовый, в черном фраке с кружевным жабо — ветхим, пожелтевшим, но тщательно разглаженным, в коротких черных панталонах и таких же старомодных башмаках с большими железными пряжками, с ним приветливо здоровались на московских улицах сановные аристократы, ехавшие в каретах с гербами, и нищие на церковных папертях, генералы, офицеры, „будочники“ с алебардами, извозчики, мастеровые, университетские профессора и студенты, дворовые слуги несчетных московских бар, купцы, охотнорядские приказчики и нарядные светские дамы. Несведущим объясняли:

— Это доктор Гааз, Федор Петрович... Добрейшая душа, святой жизни человек... Истинный благодетель и друг всех страждущих. Это про него говорят: „У Гааза нет отказа“...

Правда, были и такие, кто отзывался о нем насмешливо, презрительно и даже с раздражением: „Чудак, безумец, юродивый...“. Но большинство москвичей всех поколений и состояний говорили о нем с любовью и уважением...

...Метельным зимним вечером он шел проведать больного. Весь день вьюжило, намело сажженные сугробы, и приходилось идти пешком. Старый кучер, его единственный домочадец, сказал, что старые лошади не протащат ветхие санки сквозь такую непогоду. Кутаясь в потрепанную, но теплую волчью шубу, тяжело ступая большими сапогами, выложенными войлоком, он шел, то проваливаясь в снег, то скользя по бревенчатым или дощатым настилам. Редкие масляные фонари едва-едва желтели сквозь метель. Прохожих не было видно.

На повороте из переулочка вышли трое в низко нахлобученных шапках, закутанные в отрепье. Помахивая сучковатыми дубинками, они рванулись к запыхавшемуся старику.

— А ну скидай шубу и шапку! Да: поживее, и мощну давай... Пикнешь, придавим.

— Отдать вам шубу? Хорошо. Я вижу, вы очень плохо одеты. Денег у меня мало, отдам все. Но прошу одной милости добрые люди. Я есть доктор, лекарь. Спешно иду к больному.

Очень болен хороший человек, отец большой семьи. До его дома еще полверсты. Без шубы не дойду. Идемте вместе. Вы не извольте опасаться. Тут улицы тихие, а у ворот я сниму шубу. Деньги могу сейчас отдать.

Долговязый парень зло хохотнул и взмахнул дубинкой, но другой, постарше, удержал его, подошел вплотную, всмотрелся,

— Погоди, погоди. Лекарь, говоришь? Братцы, да это же Федор Петрович! Батюшка, милостивец, да кто же тебя обидеть посмеет! Прости, Христа ради!.. Идем, батюшка, мы тебя проводим, чтоб никакой варнак не посягнул. Ничего у тебя не возьмем. Кабы у меня хоть лишний грош был, я бы тебе с душой отдал на твое доброхотство.

Фридрих Иозеф Хааз родился в 1780 году в городке Мюнстерайфеле на Рейне. Сын аптекаря и внук врача, он сперва изучал философию в Йенском университете, а потом успешно закончил медицинский факультет в Вене. Стал ассистентом профессора Шмидта, известного окулиста. Он помогал ему лечить заезжего русского вельможу, князя Репнина, который полюбил молодого лекаря и уговорил его приехать в Россию, в Москву.

В 1803 году молодой доктор Хааз стал москвичом Федором Петровичем Гаазом. Его охотно приглашали в сановные аристократические дома. Ведь его так нахваливали и князь Репнин и все княжеские родственники.

К нему приходили или звали к себе и мелкие чиновники и купцы. Образованным людям нравилось, что он не только необычайно внимательно и заботливо лечит больных, но еще и просвещает, наставляет и самих больных, и их родню, и домочадцев, подробно объясняет, отчего произошла болезнь, чем ее исцелить... Многих он привлекал как ученый собеседник, сведущий в философии, в естественных науках и в богословии. Первое время он объяснялся со своими пациентами и новыми приятелями и знакомыми главным образом по-французски, впрочем, в дворянских семьях часто знали и немецкий язык. Но вскоре Гааз стал бойко говорить и писать по-русски. Он одинаково самозабвенно заботился обо всех пациентах: о знатных барах и крепостных, о богачах и нищих. Всех поражало, что он ни с кем не чинился, не чванился ни ученостью, ни дружбой с сановниками, не напускал на себя таинственности.

В 1807 году он был назначен главным врачом военного госпиталя. В 1809-1810 годах он ездил по Северному Кавказу, открыл, исследовал и подробно описал источники целебных минеральных вод, вокруг которых впоследствии возникли известные курорты: Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск. Капитальная работа Ф. Гааза о свойствах этих вод стала одним из первоисточников новой отрасли научной медицины-курортологии. Император Александр I наградил его крестом Владимира и званием надворного советника.

10 августа 1821 года генерал Иван Сабанеев писал своему приятелю генералу Арсению Закревскому (будущему генерал-губернатору Москвы):

«Живущий в Москве доктор Гас (кажется, при Голицынской больнице), знает чудесные источники Кавказа и может быть весьма полезным наставником. Я был два раза на Кавказе и пользовался его наставлениями, говорю по опыту».

Профессор Александр Нелюбин (1785-1858), один из основателей русской медицинской научной школы, издал в 1825 году книгу «Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод». Он писал: «Да позволено будет с особенным уважением и признательностью упомянуть о трудах доктора Гааза... В особенности должно быть благодарным Гаазу за принятый им на себя, труд — исследовать кроме главных источников еще два серных ключа на Машуке и один на Железной горе, которые до того времени еще никем не были испытаны... Сочинения Гааза принадлежат бесспорно к первым и лучшим в своем роде».

Много лет спустя эти отзывы подтвердил профессор Рахманинов в статье, напечатанной в Медицинском обозрении (за июнь 1897) и ученый ботаник В. И. Липский в книге «Флора Кавказа», изданной в 1899, назвавший Гааза первооткрывателем „знаменитого источника в Ессентуках“.

Советский историк М. А. Полиевктов подробно описал и чрезвычайно высоко оценил деятельность Гааза, книга которого «открывает целую серию описаний Кавказских минеральных вод» и содержит «климатологический очерк, обзор местной растительности... химический анализ источников... доклад о методах курортного благоустройства, практические медицинские советы».

В 1826 году в Москве был учрежден Особый комитет по устройству глазной больницы. Председателем этого комитета стал сам генерал-губернатор князь Д. В. Голицын, который направил Гаазу специальное письмо: «Уверенность моя в Ваших познаниях и убеждение в отличных качествах Вашего сердца, оправданных во время Вашего многолетнего пребывания в сей столице, обратились в сильнейшее для меня побуждение предложить Вам звание члена вышеупомянутого Комитета».

Гааз согласился, и в значительной мере благодаря его неутомимой деятельности больница была открыта уже через пять месяцев после создания комитета. Федор Петрович до последних дней жизни оставался членом совета этой больницы, непосредственно осматривал больных, помогал лечащим врачам практическими советами.

В 1812-1814 годах военный врач Гааз сопровождал русские войска в походах от Москвы до Парижа. На обратном пути он заехал в Мюнстерайфель и застал отца умирающим. Похоронил его. Тогда он в последний раз видел родные места. Вернувшись в Москву, он остался там уже навсегда.

Бедняков он лечил бесплатно; однако и от богатых пациентов не было отбоя. Преуспевающий врач разбогател. В 20-е годы ему принадлежала подмосковная деревня Тишки с сотней крепостных, суконная фабрика, большой дом на Кузнецком мосту; славились его белоснежные рысаки.

В 1822-1826 гг. он занимал должность главного врача всей Москвы. Генерал-губернатор князь Голицын называл его другом своей семьи.

В 1828 году по предложению князя Федор Петрович был назначен членом Комитета попечительства о тюрьмах, учрежденного по особому указу императора. Руководил им сам генерал-губернатор; постоянными членами состояли митрополит, гражданский губернатор, сановники, именитые купцы и др. Но с первых же дней душой и главой, движущей силой комитета стал доктор Гааз. За четверть века он пропустил только одно из 253 ежемесячных заседаний комитета, когда сам уже тяжело заболел. Он был главным врачом всех тюремных больниц и вместе с тем покровителем-попечителем всех заключенных, ссыльных и каторжан, которых через Москву гнали в Сибирь из разных концов России. Два-три раза в неделю уходили колонны по 50-100 человек. Уходили пешком на северо-восток, по Владимирке (теперь шоссе Энтузиастов). И каждую колонну провожал доктор Гааз; осматривал больных, особенно детей и женщин, приносил еду, белье и теплую одежду.

Во время эпидемий „горячки“ (то есть гриппа или тифа) и холеры, лютовавших в Москве в 30-е и 40-е годы, Гааз лечил главным образом бедняков, бесприютных и обездоленных. В богатые дома его тогда приглашали редко: боялись заразы.

Староекатерининскую больницу для чернорабочих он превратил в образцовое лечебное учреждение и значительно расширил. Он же руководил постройкой новых тюремных больниц, а Полицейскую больницу для бродяг и нищих переоборудовал, расширил, преобразовал в больницу для всех неимущих, для крепостных и городской бедноты.

К 1831 году он продал свой дом и деревню. Все деньги ушли на строительство и оборудование новых лечебных заведений, на пособия больным и не только больным арестантам. С тех пор он сам жил уже только при больницах. Сперва в здании Староекатерининской — ныне больница Московского областного клинического института (Орловский переулок), а с 1844 года в „полицейской“ больнице, в Малоказенном переулке. (Теперь это переулок Мечникова, и в здании бывшей больницы размещен Институт гигиены детей и подростков. Именно там установлен памятник Гаазу.)

В последние годы он жил с одним слугой, не покидавшим его до конца. Все, что оставалось от его имущества, все, что он получал от богатых пациентов и благотворителей, Гааз расходовал на расширение больниц, на лекарства, пищу, одежду и другие пособия для бедняков, арестантов, ссыльных и их семей.

Многих крепостных крестьян тогда высылали в Сибирь на разные сроки — и даже пожизненно — без суда, простым распоряжением губернских властей, по прихоти недовольного помещика. Гааз добывал деньги, чтобы выкупать их жен, либо, если те с разрешения барина сопровождали ссыльных мужей, снабжал их деньгами на пропитание, так как добровольно едущим в ссылку не полагалось казенного довольствия.

Он не упускал из виду ничего, что имело хоть какое-то значение в трудной жизни заключенных. Свою деятельность в комитете он начал с упорной борьбы против того, что ссыльных вели прикованными к длинному железному пруту группами по 10-12 человек. Переходы арестантских партий от привала к привалу бывали и по тридцать-сорок километров. Люди разного возраста, роста, состояния здоровья, иногда и мужчины и женщины, неотрывно прикованные вместе, испытывали тягостные и унижительные мучения. Гааз почти пять лет воевал против этого „прута“, который отстаивали министр внутренних дел и начальство конвойных войск, как „лучшее средство предотвращения побегов“.

Но он добился отмены. И тогда же добился замены коротких и тяжелых кандалов более легкими и длинными, не так стеснявшими движения кандалников. По его настоянию ручные и ножные кольца кандалов, которые в мороз и в жару причиняли дополнительные муки, стали обшивать кожей и сукном.

Не ожидая, пока все эти усовершенствования начнут осуществлять власти, он за свой счет заказывал целые партии облегченных и обшитых кандалов. Еще и в начале XX века такие кандалы назывались „гаазовскими“.

Он не только сам работал, но привлекал к своим заботам об арестантах и неимущих больных бескорыстных помощников из людей разных сословий и поколений.

Гааз писал: «В российском народе есть перед всеми другими качествами блистательная добродетель милосердия, готовность и привычка с радостью помогать в изобилии ближнему во всем, в чем он нуждается». Ему помогали камергер Д. Львов, столбовой дворянин, гвардейский офицер, сражавшийся под Бородином и в зарубежных походах, а потом ставший в Москве попечителем архитекторов и строителей, восстанавливавших город; богатый купец-старообрядец Рахманов, а после его смерти его вдова. Гаазу удавалось расшевелить и равнодушных, добиваться пожертвований и от прижимистых. Датский коммерсант Мерилиз, владелец большого универсального магазина (ныне ЦУМ — „Мюр и Мерлиз“), дал 30 тысяч рублей для больных бедняков и арестантов.

Гааз устроил тюремные библиотеки — первые в России и неведомые в других странах — и каждую партию ссыльных снабжал книгами.

Он сочинил и издал несколько брошюр с „добрыми наставлениями и советами“, которые дарил заключенным и их родственникам.

Доктор Гааз организовал две школы для детей заключенных: и для безнадзорных подростков, которых обычно полиция просто отправляла в Сибирь. Большинство арестантов были неграмотные или полуграмотные крестьяне и городские бедняки, Он не только лечил, снабжал пищей, одеждой, букварями и добрыми советами, но нередко бывал еще и ходатаем по делам бесправных. С 1829 до 1853 года он подал несколько сотен жалоб и прошений и в 142 случаях ему удалось достичь благоприятного пересмотра дел.

Гаазу приходилось нередко с величайшими усилиями и унижениями преодолевать жестокое равнодушие или прямую враждебность полиции и конвоя, косность и невежество тюремных чиновников, сословные предрассудки, недоверие завистливых коллег.

В 1822 году, когда он был назначен штатт-физиком, то есть главным врачом города Москвы, на него писали жалобы и доносы врачи и фельдшеры, которым он досаждал „придирчивым педантизмом“, требуя, чтобы в больницах ежедневно мыли полы и убирали

ретирады (уборные), еженедельно сменяли постельное белье и чтобы врачи следили за приготовлением доброкачественной пищи, не допуская злоупотреблений и обкрадывания больных.

Инспектор министерства Добронравов писал губернатору: «Доктор Гааз находится не в здоровом душевном состоянии, что видно из того, что он отдает свое жалованье уволенному предшественнику». Этот донос был основан на фактах. Гааз считал, что его предшественник был уволен несправедливо, по ложному доносу, и, будучи семейным человеком, отцом троих детей, нуждается в деньгах больше, чем он сам, холостяк, в то время еще сравнительно состоятельный.

Чиновники, ведавшие больницами, открыто возмущались тем, что им приходится подчиняться „какому-то сумасшедшему немцу“, уверяли, что нелепый чужестранец ничего не смыслит и не может смыслить в московских делах.

Отвечая на такие обвинения и упреки, Гааз в 1826 году писал инспектору Министерства здравоохранения: «Уже 20 лет, как посвятил я все свои силы на служение страждущему человечеству в России, и если через сие не приобрел некоторым образом право на усыновление, как предполагает господин инспектор, говоря, что я иноземец, то я буду весьма несчастлив».

Начальник войск „внутренней стражи“ (то есть конвойных и охраны) генерал Капцевич, старый гатчинец, воспитанник Аракчеева, 8 января 1833 года докладывал министру внутренних дел московскому генерал-губернатору о „пререканиях и затейливости“ доктора Гааза, который, „утрируя свою филантропию, затрудняет только начальство перепискою и, уклоняясь от своей обязанности напротив службы, соблазняет преступников, целуется с ними. Мое мнение: удалить доктора от сей обязанности“.

Он требовал удалить Гааза из Комитета попечительства тюрем, отстранить его от руководства тюремными больницами и запретить ему „самовольно вмешиваться в распоряжений начальства пересыльных тюрем и конвойных офицеров“.

Были и еще такие же рапорты и донесения. Капцевич снова и снова уверял власти, что Гааз „возбуждает арестантов безрассудно утрированной филантропией“.

Это обвинение звучало весьма нешуточно. В те годы московские тюрьмы переполняли тысячи заключенных. Через пересыльные тюрьмы на Воробьевых горах и на Волхонке проходили все осужденные на ссылку и каторгу, отправляемые в Сибирь из городов северной, западной и средней России. Арестанты с юга или юго-запада направлялись в Самару и Саратов. За год в среднем через Москву проходило 4300-4500 ссыльнокаторжных и примерно столько же „бродяг“, которых вели „не в роде арестанта“, но тем не менее в кандалах к месту жительства. Именно вели. Перевозить ссыльных поездами и пароходами начали только в шестидесятые годы.

Герцен писал, вспоминая о своем друге и однодельце Соколовском: «Если бы доктор Гааз не прислал бы Соколовскому связку своего белья, он зарос бы в грязи».

Послушаем Герцена еще: «Доктор Гааз был преоригинальный чудаки. Память об этом юродивом и поврежденном не должна заглухнуть в лебеде официальных некрологов, описывающих добродетели первых двух классов, обнаруживающиеся не прежде гниения тела...»

Гааз ездил каждую неделю в этап на Воробьевы горы, когда отправляли ссыльных. В качестве доктора тюремных заведений, он имел доступ к ним, он ездил их осматривать и всегда привозил с собой корзину всякой всячины, съестных припасов и разных лакомств: грецких орехов, пряников, апельсинов и яблок для женщин. Это возбуждало гнев и негодование благотворительных дам, боящихся благотворением сделать удовольствие, боящихся больше благотворить, чем нужно, чтобы спасти от голодной смерти и трескучих морозов.

Но Гааз был несговорчив и, кротко выслушивая упреки за „глупое баловство преступниц“, потирал себе руки и говорил: «Извольте видеть, милостивый сударинь, кусок хлеба, крош им всякий дает, а конфетку или апфельзину долго они не увидят, этого им никто не дает, это я могу консеквировать из ваших слов, потому я и делаю им это удовольствие, что оно долго не повторится».

Гааз жил в больнице. Приходит к нему перед обедом какой-то больной посоветоваться. Гааз осмотрел его и пошел в кабинет что-то прописать. Возвратившись, он не нашел ни больного, ни серебряных приборов, лежавших на столе. Гааз позвал сторожа и спросил, не входил ли кто, кроме больного? Сторож смекнул дело, бросился вон и через минуту возвратился с ложками и пациентом, которого он остановил с помощью другого больничного солдата. Мошенник бросился в ноги доктору и просил помилования. Гааз сконфузился.

— Сходи за квартальным, — сказал он одному из сторожей. — А ты позови сейчас писаря.

Сторожа, довольные открытием, победой и вообще участием в деле, бросились вон, а Гааз, пользуясь их отсутствием, сказал вору:

— Ты — фальшивый человек, ты обманул меня и хотел обокрасть. Бог тебя рассудит... а теперь беги скорее в задние ворота, пока солдаты не воротились... Да постой, может, у тебя: нет ни гроша, вот полтинник; но старайся исправить свою душу: от Бога не уйдешь, как от будочника!

Тут восстали на Гааза и домочадцы. Но неисправимый, доктор толковал свое: «Воровство — большой порок: но я знаю полицию, я знаю, как они истязают, — будут допрашивать, будут сечь; подвергнуть ближнего розгам гораздо больший порок; да, и почему знать, может, мой поступок тронет его душу!» («Былое и думы»).

Ф. Достоевский воспринимал мир и людей чаще всего по-иному, чем А. Герцен, во многом был ему прямо противоположен.

Имя доктора Гааза появляется в первоначальных набросках к «Преступлению и наказанию» как обозначение темы разговоров. „Там собрание... Разговор. Гас“; „Разговоры у студентов... О Гасе“. „...Уединился.., стал мрачный, пошел к Разумихину. Гас.“

Позднее Раскольников, уже мучимый раскаянием, снова думает: «Неужели и я не могу быть таким, как Гас... Почему я не могу сделаться Гасом?»

О Гаазе вспоминал Достоевский и когда писал «Идиота». В характере князя Мышкина приметны некоторые гаазовские черты, а в рассказе одного из героев подробно говорится уже именно о Гаазе, каким его представляли себе товарищи Достоевского по «Мертвому дому»: «В Москве жил один старик, один „генерал“, то есть действительный статский советник, с немецким именем; он всю свою жизнь таскался по острогам и по преступникам; каждая пересыльная партия в Сибирь знала заранее, что на Воробьевых горах ее посетит „старичок генерал“. Он делал свое дело в высшей степени серьезно и набожно; он являлся, проходил по рядам ссыльных, которые окружали его, останавливался перед каждым, каждого расспрашивал о его нуждах, наставлений не читал почти никому, звал их всех голубчиками». Он давал деньги, присылал необходимые вещи — портянки, подвертки, холста, приносил иногда душеспасительные книжки и оделял ими каждого грамотного, с полным убеждением, что они будут их дорогой читать и что грамотный прочтет неграмотному... Про преступление он редко расспрашивал, разве выслушивал, если преступник сам начинал говорить. Все преступники у него были на равной ноге, различия не было. Он говорил с ними как с братьями, но они сами стали считать его под конец за отца. Если замечал какую-нибудь ссыльную женщину с ребенком на руках, он подходил, ласкал ребенка, пощелкивал ему пальцами, чтобы тот засмеялся. Так поступал он множество лет, до самой смерти; дошло до того, что его знали по всей России и по всей Сибири, то есть все преступники. Мне рассказывал один бывший в Сибири, что он сам был свидетелем, как самые закоренелые преступники вспоминали про „генерала“, а между тем, посещая партии, „генерал“ редко мог раздать более двадцати копеек на брата».

Московский полицмейстер грозил Гаазу высылкой за то, что он „балует и возбуждает“ преступников, потакает арестантам.

От высылки его спасла эпидемия холеры. В Москве не хватало врачей.

К началу 40-х годов, когда число жителей уже превышало 350 тысяч, в городе числилось всего 75 „вольнопрактикующих“ и 217 служащих врачей. Во время холерных эпидемий число заболеваний доходило до 5 тысяч в месяц. Начинались народные волнения. И тот же

полицмейстер, который хотел выслать Гааза, просил его о помощи; просил «добрейшего, почтеннейшего господина доктора успокоить простолюдинов, возбуждаемых слухами, будто «начальство и лекари пускают холеру».

И Гааз прямо из больницы шел на площади, на улицы, где шумели толпы, уже готовые громить полицейские участки и карантинные посты.

Его узнавали, встречали приветливо. Ему верили. И он уговаривал, успокаивал, объяснял, советовал, как уберечься от заболевания, как оказывать первую помощь больным.

Его медицинские понятия и представления выросли на почве просветительского, гуманистического, но вместе с тем и глубоко религиозного мировоззрения. Он еще не мог ничего знать о природе инфекции, о микробиологии, а к модным тогда лекарственным средствам относился недоверчиво. Он был убежден, что такие болезни, как все „горячки“ (то есть гриппы, ангины, тифы, воспаление легких и т. п.), а также холера вовсе „не прилипчивы“ и что люди не заражались ими при общении с больными, а заболевают потому, что дышат нечистым воздухом, едят нездоровую пищу, неопрятно живут, переохлаждаются, переутомляются, испытывают сильные душевные потрясения...

Его врачебные советы и наставления бывали обычно просты, но решительны: „спокойствие души и тела, чистота души и тела, тепло для души и для тела“. Он требовал, чтобы помещения, где находятся больные, проветривались, но были теплыми, при всех заболеваниях рекомендовал теплые ванны и легкую пищу. Для „спокойствия желудка“ допускались еще грелки и клизмы, которые тогда называли „фонтанели“. Прописывал он только простые испытанные лекарства: мед, ромашку, ревень, малину, каломель, некоторые травы.

Московские остряки сочинили куплет:

Доктор Гааз уложит в постель,
Закутает в фланель.
Поставит фонтанель.
Пропишет каломель.

Уже в 40-е годы иные образованные москвичи подшучивали над его старосветскими манерами, устаревшими лечебными методами; но большинство ему верило, во всяком случае, не меньше, чем знаменитым профессорам, которые жили в роскошных особняках, брали большие гонорары, прописывали дорогие снадобья и напускали на себя таинственный вид „жрецов Эскулапа“, высокомерно произнося непонятные слова.

А Гааз старался, чтобы его понимали все, даже вовсе не грамотные пациенты и санитары. Ободряя молодых врачей, боявшихся заразы, он приветствовал холерных больных поцелуями. В первый раз он даже сел в ванну, из которой вынули холерного больного... Однажды в больницу доставили крестьянскую девочку, умирающую от волчанки. Страшная язва на лице была настолько уродлива и зловонна, что родная мать с трудом к ней приближалась. Но Гааз ежедневно подолгу сидел у ее постели, целовал девочку, читал ей сказки, не отходил, пока она не умерла. Словом и делом доказывал он, что врач должен облегчать страдания даже безнадежно больного, что „спокойствие души, необходимое для исцеления, должно исходить прежде всего от врача“.

Московский митрополит, аскетический догматик Филарет, заместитель председателя Комитета попечения о тюрьмах, несколько раз сердито спорил с „утрированным филантропом“, который осмеливался возражать ему, „владыке“, и заступался даже за старообрядцев, число которых в московских тюрьмах не убывало главным образом благодаря митрополиту, требовавшему полицейской помощи для обуздания еретиков.

Но когда Гааз смертельно заболел, Филарет приехал его проведать и разрешил нескольким священникам служить в церквах молебны о здравии этого иноверца, а после его смерти разрешил заупокойные службы.

Гроб Гааза провожали на кладбище более 20 тысяч москвичей. Таких похорон в Москве не было целое столетие.

О нем говорили и писали с любовью и уважением люди самых разных взглядов — единомышленники Герцена и убежденные консерваторы. Славянофил Шевырев посвятил ему стихотворный некролог:

Он сердце теплое свое,
Открыв Спасителя ученью,
Все состраданьем к преступленью
Наполнил жизни бытие.

Чехов вспоминал о нем, когда ездил по Сибири и Сахалину.

Первую книгу о жизни и деятельности Федора Петровича Гааза издал в 1897 году академик Анатолий Федорович Кони — ученый, юрист, историк, литератор, друг Льва Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова и В. Короленко. До 1914 года эта книга переиздавалась пять раз.

За те же годы было выпущено более 20 популярных, в том числе и детских, книг о „друге несчастных“, „защитнике и помощнике униженных и страдающих“, „святом докторе“ Гаазе.

В 1909 году во дворе больницы имени Александра III, как стали именовать полицейскую больницу, созданную Гаазом, в которой он жил и работал последние 10 лет, был установлен памятник — бронзовый бюст работы известного скульптора Андреева по проекту художника Остроухова. Главный врач этой больницы Всеволод Сергеевич Пучков был автором двух небольших книг о Гаазе.

В 1910-1911 годах у памятника Гаазу устраивались народные празднества; проходили воспитанники всех московских приютов и тюремные хоры. В эти дни некоторые московские трамваи и вагоны-конки были украшены портретами „святого доктора“. Группа старших воспитанников одного из приютов прочитала на празднике в 1911 году стихотворное послание к А. Ф. Кони:

Привет вам за то, что умом и душой
Вы вспомнили первый о том,
Кто делал добро любовью живой,
Боролся с неправдой и злом.
Вы нам рассказали, как был он велик
Горячей любовью своей,
Как много страдал, чего он достиг
Средь грубых, бездушных людей.

Светлей и прекраснее повести нет,
Чем повесть о докторе Гаазе святом.
И мы посылаем наш детский привет
Тому, кто поведал о нем.

Фридрих Иозеф Хас — уроженец немецкого городка — стал московским „святым доктором“ Федором Петровичем Гаазом, истинно русским подвижником деятельного добра. Набожный католик, он по-братски „отдавал душу свою“ за всех страдающих людей, исповедовавших другие религии, за вольнодумцев и безбожников. Беспредельно терпимый и неподдельно кроткий, он не испытывал ненависти даже к своим противникам и гонителям. Каждый день в продолжение всей своей жизни, исполненной неустанный напряженной работы, он действительно осуществлял свой девиз: „Спешите делать добро!“